

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

АТАКА НА РЕЙХСТАГ У РЯБОГО МОСТА

Вечная слава белорусским партизанам!

28 июня 1941 года – седьмой день Великой Отечественной – для многих из тех, кто пишет и читает о той ужасной войне, является, прежде всего, днём, когда гитлеровцы ворвались в белорусскую столицу – город Минск. Этим подчёркивается и стремительность немецкого продвижения на восток, и трагичность ситуации, в которой оказалась Красная Армия, и растерянность советского политического и военного руководства, и в целом неготовность к той беде, которая нагрянула на Советский Союз.

Само суждение, что Минск пал на исходе первой же недели вторжения, стало чем-то вроде печати, “заверяющей” всю сумму промахов в предвоенной политике Советского Союза, особенно Иосифа Сталина и его ближайшего окружения, и даже акцентирующей внимание на том, что она – та политика – состояла из одних промахов. Встречаются утверждения, что лишь после сдачи Минска “Сталин очнулся от иллюзий”, и до него наконец-то дошло, что это никакая не провокация, а грянула война, которую он считал отодвинутой. Фраза о том, что Минск пал уже на седьмой день войны, сама по себе настолько тяжела по своему эмоциональному наполнению, что в её тени осталось многое из того, что происходило тогда же. И не только то, что в Минск оккупанты вступили отнюдь не парадным маршем (если уж зашёл о том разговор, советская гвардия родилась как раз в боях за белорусскую столицу: 100-я и 161-я стрелковые дивизии, показавшие образцы стойкости в боях с частями вермахта на подступах к Минску, стали 1-й и 4-й гвардейскими. – **Прим. авт.**). Городской легендой стала реальная история о том, как одиночный танк Т-28, экипажем которого командовал майор Васечкин, пытался прорваться к своим, двигаясь по главным улицам уже оккупированного города. Не прорвался, однако в самом центре белорусской столицы успел уничтожить девять вражеских танков, полтора десятка автомашин, три артиллерийских батареи, расчёты которых пребывали в полном расслаблении в городском парке.

Но 28 июня 1941 года произошло ещё одно событие, которое стало своеобразным “звонком” для пришельцев. Правда, случилось оно не в Минске, и поначалу незваные “гости” не придали ему должного значения. А это тоже был бой: механизированный взвод разведки 293-й немецкой пехотной дивизии у Рябого моста через речку Ясельда на тракте, который ведёт из Пинска на север к трассе Брест-Москва, потерял один танк и несколько человек пленными, ещё два танка повернули назад. Разумеется, для дивизии это были не Бог весть какие потери, однако сразу после того боя из уст одного из пленён-

ных немецких офицеров прозвучали слова, обозначившие необычный характер начавшегося противоборства. Он громко возмущался, что его берут в плен какие-то цивилизные люди, не имеющие на это права. Тот офицер, можно не сомневаться, был уверен, что случилось какое-то недоразумение, ему не приходило в голову задуматься: с кем отныне придётся иметь дело миллионам его соотечественников и союзников, начавшим “Дранг нах Остен”. Все они ещё не в состоянии были уразуметь, что на сей раз направились не туда. Брестская крепость, продолжавшая сражаться уже за их спиной, им казалась случаем из ряда вон выходящим. Оккупантам ещё предстояло расширить лоб у Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Курска с Белгородом, дабы убедиться, что любая дорога и переправа даже через малую речку в Белоруссии, на Украине, на Смоленщине, Псковщине, Брянщине на каждом их шагу может стать и со временем станет своеобразным Рябым мостом, к которому не так просто водрузиться. И лишь тогда некоторые из них, да и то далеко не все, стали осознавать, что здесь пришельцам противостоит не только армия, а то, на чём зиждется и войско, и флот, и государство, — народ.

Это был первый бой первого партизанского отряда, созданного уже 22 июня 1941 года В. З. Коржом. В “первый набор” Василий Захарович включил шестьдесят человек. Двое из них стали Героями Советского Союза, отряд со временем вырос в Пинское партизанское соединение, равное дивизии. Как потом выяснилось, бой, состоявшийся 28 июня, был **первым партизанским боем во время Великой Отечественной войны** и одновременно отправной точкой в весьма важном процессе, который развернулся во всенародное сопротивление оккупантам.

Почему именно В. З. Корж в первые же часы войны начал создавать партизанский отряд? Почему такая идея пришла в голову ему, заведующему финансовым сектором Пинского обкома партии, а не главному партийному руководителю Пинщины? Прямо скажем, он в этом деле разбирался лучше. Во-первых, в двадцатые годы партизанил в отряде К. П. Орловского на территории, отторгнутой по Рижскому договору от Белоруссии в пользу Польши. Во-вторых, перед войной проходил специальную подготовку. В середине тридцатых годов в той части Белоруссии, которая была Советской, предпринимались серьёзные меры к тому, чтобы в случае новой агрессии на оккупированных противником пространствах развернулось партизанское движение. Было обучено шесть специальных отрядов по 300 человек в каждом, в тайники заложено более тысячи пулемётов, несколько десятков тысяч винтовок, соответствующие запасы патронов, гранат, взрывчатки. В военных условиях каждому из тех отрядов предстояло превратиться в базу для развёртывания уже десятков формирований подобного типа. В. З. Корж был командиром одного из них. В-третьих, он прошёл проверку своего прежнего опыта и новых познаний в ходе гражданской войны в Испании. Правда, к концу тридцатых политика, связанная с подготовкой к войне, изменилась, специальные отряды и тайные базы были ликвидированы, а кадры, особенно руководящие, в значительной части репрессированы. Некоторые источники утверждают, что уцелели лишь те, кто выполнял задания за рубежом, — К. П. Орловский, С. А. Ваупшасов и В. З. Корж. Однако то, что во время войны каждый из этой тройки стал крупным партизанским командиром, говорит о том, что готовили их основательно.

Но и в этом случае неизбежен вопрос: а достаточно ли специальных познаний одного или нескольких человек, пусть и очень талантливых, даже специальных отрядов, чтобы поднять чуть ли не весь народ? Или нужны были более существенные обстоятельства? Скорее всего, нужны. И Василий Захарович Корж, приступая к созданию своего отряда, исходил из уверенности, что будет поддержан большой массой людей, а его убеждение базировалось на многих факторах. Он хорошо знал настроения земляков. Притом не только в родной деревне и её окрестностях. За четыре года партизанских действий в составе отряда К. П. Орловского побывал в разных местностях и смог лично убедиться, чем на самом деле дышит основная масса народа, когда речь идёт о борьбе с оккупантами. И уже тогда чётко усвоил, что для партизанского движения на оккупированной врагом территории нужно довольно много условий, но главное состоит в том, что оно жизнеспособно и эффективно лишь тогда, когда имеет широкую поддержку населения. Иначе, пусть бы те отряды были руководимы хоть из московского ОГПУ, хоть из генерального штаба

Красной Армии, польская полиция и жандармерия разделились бы с ними в короткое время.

У белорусского писателя Владимира Короткевича есть повесть “Ладья отчаяния”, главный герой которой — Гервасий Выливаха — руководствовался правилом: даже если на меня нападут впятером, ни на минуту не задумаюсь, употребить мне зубы или нет. Уже июнь-июль 1941 года показали, что людей, готовых драться в любых ситуациях на тех территориях, где появились гитлеровцы, было много, и они способны были на недюжинные поступки. В первые же дни оккупации в деревне Трилиски Ивановского района на Брестчине был арестован и отправлен в пинскую жандармерию бывший член Компартии Западной Белоруссии С. Е. Балюк — таких немцы “зачищали” немедленно. Однако Степан Еремеевич сумел повернуть судьбу так, что не только избежал смерти, но и взорвал ту самую жандармерию. Да, поначалу помог случай. Когда в жандармерии ни у кого из obsługi не получилось отремонтировать сложный замок, а потому она вынуждена была искать специалистов среди заключённых, он справился с этой задачей, и ему “в хозяйственных целях” была сохранена жизнь. Затем он повёл себя так, чтобы не вызвать ни капли подозрений, и через некоторое время получил определённую свободу передвижения. Остальное для опытного подпольщика стало “делом техники”: связаться с партизанами, получить задание, перевезти тол в буханках хлеба, испечённых женой. Вспомнить это в данном случае важно ещё и потому, что бывшие члены Компартии Западной Белоруссии сыграли весьма большую роль в развёртывании партизанского движения: не растеряли связи, пароли, явки, которые не успели устареть. Высоко ценил таких людей и В. З. Корж. Они составляли его ближайшее и весьма доверенное окружение и были для отряда глазами и ушами.

А в Белоруссии к началу Великой Отечественной войны жило много людей, знавших, что такое конспирация, и имевших опыт ведения партизанских действий. Это те, что в 1918 году дрались сначала с немцами, захватившими почти всю белорусскую и украинскую территорию после Брестского мира, а потом сменившими их поляками, армии которых тоже дошли почти до Днепра и Западной Двины. К августу 1918 года они очистили обширнейший район белорусского и украинского Полесья от немцев, а к октябрю партизанские силы юга Беларуси и севера Украины насчитывали уже до ста тысяч человек и взяли под контроль всю железнодорожную линию от украинских Сарн до белорусских Ганцевичей — несколько сот километров. Они даже назначали своих комендантов на каждую станцию, зачастую прямо диктовали свою волю немецким воинским командирам, а те, уходя, в целости и сохранности передавали вокзалы, депо, склады, как это было в Лунинце в начале 1919 года. Памятна была и “Рудобельская республика” — так в 1919–1920 годах называлась территория, состоящая из Рудобельской волости Бобруйского уезда и ряда волостей Мозырского и Речицкого уездов, на которой на протяжении всего периода оккупации Беларуси войсками Германии и Польши сохранялась Советская власть. Карательные экспедиции немцев не дали эффекта, наоборот, партизаны вошли в Бобруйск и помешали им вывезти награбленное имущество.

Ещё жарче народное сопротивление вспыхнуло тогда, когда на смену немцам пришли польские оккупанты. Только в окрестностях Слуцка действовало около тысячи партизан, в бобруйском, пинском регионах отряды насчитывали по 500–700 человек. На Минщине партизаны вели бои с регулярными частями 17-й польской дивизии, специально снятой с фронта, выводили из строя железнодорожные линии Минск–Вильно, Минск–Барановичи, Минск–Жлобин, Минск–Борисов. Крестьянин В. И. Талаш в деревне Новосёлки около Петрикова в нынешней Гомельской области организовал отряд, объединивший 300 его земляков, и выбил белополяков из родной деревни, захватив при этом значительные трофеи. На берегу Припяти теперь стоит памятник тому деду Талашу, награждённому орденом Красного Знамени и ставшему героем повести “Трясина” классика белорусской литературы Якуба Коласа. Партизаны Великой Отечественной войны воспитывались уже и на эпизодах этой повести. Любопытно в жизни этого человека и то, что во время коллективизации он отказался вступить в колхоз, а с началом новой войны, имея уже почти сто лет от роду, снова ушёл в партизаны. В 1943 году на специальном самолёте сей в прямом смысле слова драгоценный “реликт партизанского движения” был вывезен в Москву. Его водили на встречи в москов-

ские трудовые коллективы, воинские части, где он рассказывал о действиях партизан в обеих войнах. После войны вернулся в родную деревню Новосёлки, умер в возрасте 102-х лет. Он навсегда стал одним из символов белорусского сопротивления иноземным захватчикам. В 2011 году на “Беларусьфильме” была снята кинолента “Талаш”. Она, правда, встретила острое неприятие польской прессы, ведь в нём польские солдаты показаны отнюдь не освободителями белорусов.

А о накале антипольского сопротивления уже после присоединения западной половины белорусских земель к Речи Посполитой говорит то, что только в 1922 году, как признавал польский премьер Грабский на одном из заседаний сейма, партизаны провели 878 операций. Они выставляли ультиматумы самому коменданту Речи Посполитой маршалу Юзефу Пилсудскому, обращались в Лигу Наций, в 1924 году отряд Кирилла Орловского остановил около Лунинца поезд Полесского воеводы М. Довнаровича, обезоружил охрану, а самого воеводу заставил по телеграфу оповестить Варшаву о том, что он покидает свой пост.

Разумеется, столь упорное сопротивление германским и польским войскам возникло не на пустом месте. Есть много оснований подчеркнуть, что история партизанского движения на пространствах нынешней Белоруссии, как и России, насчитывает много веков. Население этих земель никогда не было покладистым по отношению к оккупантам, историки отмечают, что во время вторжения иностранных армий крестьяне всегда создавали отряды для защиты своих жизней и имущества, нанесения урона пришельцам, и наиболее крупные вехи такого сопротивления даже в самых отчаянных условиях видны очень чётко. Например, подвиг Евпатия Коловрата. Этот рязанский боярин и воевода в 1237 году, когда татаро-монголы ворвались в пределы Руси, находился в Чернигове, где собрал дружину в 1700 человек – ничтожное число по сравнению с ордынцами – и ударил по их тылам, хотя вряд ли его кто-то упрекнул бы, если бы он ушёл, скажем, в Новгород. Коловрат и его дружинники дрались столь отчаянно, что ханы вынуждены были признать: “Таких удалцов и резвцов не видали, ибо это люди крылатые и не имеющие страха смерти!”

В войне с Наполеоном, подчёркивал в книге “Память о легендах” белорусский исследователь Константин Тарасов, “в историю народного сопротивления захватчикам вошли действия отрядов, созданных крестьянами деревень Староселье, Есьманы, Мажаны, Клевки в Борисовском уезде на Минщине, Тростенце в Игуменском уезде, Жарки на Полотчине. Врага топили в реках, отмечал автор, убивали кольями, как это случилось в Могилёве. Селяне, вооружённые ружьями, становились партизанами и превращались в грозную военную силу. Так, 12-тысячный французский гарнизон был буквально заперт в Витебске партизанами, которые осадили город, и для его спасения император вынужден был выслать войска. А героические легенды в трудное время тоже становятся оружием, не зря же говорят, что нынешний человек – это одновременно и человек, живший 300, 500, 800 лет назад. В феврале 1943 года во время операции против соединения Коржа, в которой гитлеровцы задействовали двадцать тысяч военных, каратели приказали крестьянам – братьям Ивану и Михаилу Цуба – вести их в расположение партизан. Земляки партизанского командира завели немцев в болото у реки Лань, где те и погибли от мороза и пуль подоспевших народных мстителей. Братьям поставлен памятник, их родная деревня Новины теперь называется Цубы. Трудно поверить, что они, совершая свой подвиг, не знали легенды об Иване Сусанине и о том, что он сделал.

Однако эти вехи народного сопротивления иностранной оккупации обозначают ещё один контекст, который не только подчёркивает давность такого сопротивления, но и показывает, как вместе с характером войн менялись его формы, способы, движущие силы. Как отмечает белорусский историк Александр Гронский, сам термин “партизан” появился на переломе восемнадцатого и девятнадцатого веков, сейчас даже идёт полемика о его происхождении. Одна из статей Гронского, опубликованных в Минске в журнале “Беларуская думка”, так и называется: “Война за термины”. В ней он пишет: “Участник Отечественной войны 1812 года, идеолог и предводитель партизанского движения русский поэт Денис Давыдов называл партизанами только военнслужащих регулярной армии, действовавших в тылу наполеоновских войск. ...В отряде Давыдова были гусары, драгуны, егеря и артиллерия. Соответст-

венно, партизанские действия — это лишь те, которые вели армейские летучие отряды. Крестьянские отряды, которые начали появляться в 1812 году, в то время к партизанским не относили. Их называли по-разному — кордоны, ополчения и т. д.” Разумеется, вряд ли от этого было легче солдатам Наполеона, но такое понимание термина и образа действий сохранялись до Первой мировой войны. Тогда в окрестностях Пинска ещё “по-старому” партизанил Борис Анненков, ставший потом войсковым атаманом Сибирского казачества, теперь больше известный жестокостью по отношению к сторонникам Советской власти во время гражданской войны, а перед этим, когда противостояние на русско-германском фронте стало позиционным, казаки, которыми он командовал, пользуясь “дырками” в линиях траншей из-за болотистой местности, прорывались в немецкие тылы, некоторое время там куролесили и возвращались к своим. И куролесили эффективно: Анненков был награждён пятью орденами и золотым Георгиевским оружием. Вполне возможно, что известно это было и партизанившему в тех же местах В. З. Коржу, чему могла способствовать и людская молва, и специальные курсы, в ходе которых история партизанского движения вряд ли была обойдена вниманием.

Смена принадлежности термина “партизан” была обусловлена изменением характера войн. Чем многочисленнее становились колонны вооруженных ратей, марширующие по дорогам и время от времени останавливающиеся на широких полях, чтобы померяться силами с противником, тем меньше деревень, сёл, местечек и городов оставалось не задетыми и не вовлечёнными в этот процесс. Одновременно всё больше бед претерпевали их обитатели, которым всё чаще приходилось браться за колья, вилы, сабли с мушкетами, если таковые находились, чтобы защитить своё имущество и безопасность семей. А к XX веку дело дошло до того, что войска начали двигаться не колоннами, а сплошной линией, захватывая или сметая всё на своём пути. Возрастали и поражающие возможности оружия. Число жертв среди мирных граждан стало превышать армейские потери. Невоюющему населению оставаться в стороне было уже невозможно, надо было подаваться в эвакуацию или принимать порядок вещей, принесённый оккупантами, и население поняло, что его спасение не только в людях, облачённых в военную форму, но и в их собственных руках.

Способствовало рождению подобного вывода и то, что военные, привыкшие действовать по команде, не в упрёк будь им это сказано, не всегда проявляли инициативу, оказавшись без команд и командиров. И если в прежние времена активность гражданских в войне ограничивалась тем, что они помогали военным, то новые условия заставили их брать всю инициативу на себя, самим делать ставку на те или иные политические силы и, одновременно, на оружие, особенно в ситуациях, когда и власть стремительно менялась, как это было после Первой мировой: немцы, поляки, местные и пришлые банды... Конечно, приведённая схема упрощена, однако в общих чертах ситуация развивалась именно таким путём: народ приходил к выводу, что спасение погибающих в условиях оккупации — дело рук самих погибающих.

Способствовало исходу “армейского наполнения” из понятия “партизан” и то, что в условиях сплошных фронтовых линий почти до нуля снизилась возможность проникновения регулярных частей в тылы противника для нанесения ударов по флангам, арьергардам, коммуникациям, складам. Главной силой сопротивления становилось вооружённое гражданское население. Александр Гронский цитирует соответствующие статьи в первом и втором изданиях Большой советской энциклопедии. Если в выпуске 1939 года партизанские действия трактовались как совместная “активность армейских отрядов и мирных жителей в тылу противника”, то во втором, послевоенном, партизанами названы “участники народной войны, лица, добровольно взявшиеся за оружие и ведущие боевые действия против вторгшегося иноземного захватчика или внутренней контрреволюции, но не входящие в состав регулярных вооруженных сил”.

Можно с большой долей уверенности предположить, что первыми к осознанию необходимости нового характера сопротивления врагу в его тылах пришли не теоретики. Василий Захарович Корж, несомненно, относился к числу тех, кто ясно ощущал, в какую сторону меняется ситуация. Как и Сидор Артёмьевич Ковпак, командовавший партизанским отрядом на Украине ещё в годы гражданской войны, Минай Филиппович Шмырёв — Батяка Минай, создавший первый партизанский отряд на Витебщине. И, как вскоре выясни-

лось, не только они. В те же первые дни войны в Старосельском сельсовете Жабинковского района — на полтора километра западнее Пинска, почти у самого Бреста — дал о себе знать партизанский отряд, созданный председателем сельсовета Михаилом Никитичем Чернаком из местных жителей и пограничников, которыми командовал лейтенант Сергей Шиканов. М. Н. Чернак в 1942 году погиб, отряд был назван его именем и тоже внёс весомый вклад в борьбу с гитлеровцами на Брестчине. А к концу июня 1941 года на оккупированной территории Беларуси действовало уже четыре партизанских отряда, хотя шла лишь первая неделя войны, ещё не поступали никакие “команды сверху”. ЦК Компартии Белоруссии свою директиву № 2 “О развёртывании партизанской войны в тылу врага” принял только 1 июля. В июле таких отрядов стало 35, в августе — 61, отмечает белорусский историк А. А. Коваленя. Уже в июле-августе 1941 года гитлеровцы вынуждены были начать против партизан первую карательную операцию “Припятские болота”, которая проводилась на территории Брестской, Пинской, Минской и Полесской областей.

После той директивы ЦК партийные комитеты активизировали создание новых отрядов. Тот же Пинский обком партии к середине июля сформировал их более полутора десятков. Правда, не всем им удалось выполнить поставленные задачи — нанести урон противнику, а самим выжить. Притом не все из прекративших своё существование отрядов были разбиты. Одни погибли, как ганцевичский, а также столинский, в котором воевал и секретарь обкома П. Г. Шаповалов. Другие, исчерпав боезапас, двинулись к фронту. Третьи были рассеяны и “залегли на дно”, как минимум, до весны. Четвёртые из-за внутренних разногласий — были и такие — вовсе не смогли приступить к боевой работе.

Сказались и иные причины, состоявшие в том, что не у всех были одинаковые представления о способах борьбы с агрессором. Вряд ли будет ошибкой отметить, что и большинство тех, кто был включён в те отряды и даже командовал ими, поначалу имело довольно “зелёное” представление о партизанской борьбе, особенно о её тонкостях, о том, чем она отличается от фронтовых действий. Чаще всего такого понимания не было, более того, поначалу не очень-то и стремились это усвоить, так как мало кто предполагал, что война будет продолжительной и кровопролитной, потребует особой мобилизации и особого напряжения. В. З. Коржу тоже настойчиво не рекомендовали называть свой отряд партизанским: какие там партизаны, если фашисты вскоре будут изгнаны за Буг, откуда заявились! Первый секретарь Пинского обкома партии Авксентий Малахович Минченко, к которому Корж обратился уже утром 22 июня, после некоторых раздумий согласие на формирование отряда дал, но настоятельно советовал называть его “истребительным”. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что так же, как и Минченко, даже потом, когда немцы уже оккупировали и Пинск, и Минск, размышляли многие местные руководители, даже командиры уже созданных отрядов. Мол, надо продержаться недельки две-три, в меру сил помочь Красной Армии, наводя шорох в прифронтовых вражеских тылах, а вскоре всё вернётся “на круги своя”.

Надежды на скоротечность конфликта жили и в широких массах населения. Как вспоминал потом Народный архитектор СССР Г. В. Заборский, главный автор памятника советским воинам и партизанам на площади Победы в Минске, поначалу он полагал, что попросту не успеет повоювать: пока снимут бронь, уберут другие формальности... Потому не создавались специальные базы, не закладывались тайники с оружием, боеприпасами, продовольствием, средствами связи, о чём впоследствии, конечно же, сожалели. В. З. Корж жаловался, что, кроме военкомата, при организации отряда ему не пособили ни отделы НКВД и НКГБ, ни командиры расквартированных в Пинске воинских частей, лишь командующий Пинской речной военной флотилией контр-адмирал Д. Д. Рогачёв выделил несколько ящиков динамита.

Были и иного рода соображения. Как высказался один из бойцов отряда В. З. Коржа — недавний ответственный административный работник, — он уходит за линию фронта потому, что является командиром запаса, в Красной Армии он командовал бы батальоном, как минимум, ротой, а здесь вынужден быть рядовым. Ничто человеческое никому не было чуждо даже в той ситуации. От В. З. Коржа, хотя он брал не всех, кто оказался в поле зрения, ушло более половины первого состава. Объясняли своё решение и тем, что одни-

ми винтовками против танков и артиллерии воевать невозможно, мол, что такое несколько десятков человек на фоне потоков оккупантов, движущихся по всем дорогам. Как признавались сами ветераны, чувство несоизмеримости сил в самом деле сильно действовало на психику. Для каждого из оставшихся для борьбы в тылу врага такой выбор был драмой, в которой каждый одновременно был и автором, и героем, и жертвой.

В. З. Корж переживал, пытался объяснить, но особо не удерживал никого. Он стоял на том, что оставаться на войну в тылу врага должен лишь тот, кто чётко осознал, на что идёт. Колеблющихся называл “хнытиками” — такой у него термин получился из слов “хныкать” и “ныть”. Сорвался лишь раз, когда командир отряда, созданного в соседнем районе, недавний начальник отдела НКВД Сахаров, с которым Василий Захарович условился о совместных действиях, через пару дней заявил, что тоже уводит своих бойцов к фронту, а Коржу оставляет тех, кто из местных жителей. “Почему не сказал в райкоме, что у тебя кишка тонка, что не выдюжишь? — вспылил тогда Корж. — У тебя возлагали надежды. . .” Можно предположить, что не способствовало боевитости уходящего отряда как раз то, что он состоял в основном из сотрудников милиции и местных отделов безопасности, а они не исключали, что могут не получить поддержки сельчан, поскольку ещё недавно, случалось, появлялись в деревнях не с приятными новостями.

Однако были и иные причины для стремления к фронту, притом даже более существенные. В регулярной армии, как известно, бойцу выдадут оружие, патроны, обмундирование, обувь, накормят, позаботятся о смене белья, о бане, а в случае ранения направят в санбат, госпиталь. Действует почта, которая обеспечивает более или менее регулярную связь с домом. А главное, у тех, кто на фронте — в составе роты, батальона, полка, — есть уверенность, что справа и слева воюет такая же рота, батальон, полк, что за спиной тоже свои, что в ходе боя подоспеет пополнение, будет артиллерийская, авиационная поддержка. В партизанском же отряде, которому суждено базироваться в глубоком лесу или перемещаться из леса в лес, дабы не засекли и не обложили, обо всём надо было заботиться самим, фронт окружает его со всех сторон, флангов и тыла попросту нет, рассчитывать надо только на себя и в бою, и во время переходов. И не исключено, что погибнут все — из отряда, из взвода, из разведгруппы, посланной на задание, — и никто не пособит, поскольку пособить в силу обстоятельств некому. Можно утонуть в речке, пробираясь по тонкому льду, провалиться в трясины на болоте, умереть от раны или истощения, не сумев доползти до своих. Иными словами, не исключена ситуация, что “никто не узнает, где могилка твоя”. Если такая и будет, ибо партизанские косточки могут остаться истлевать среди топей... Такая “перспектива” тоже удручала, не зря же говорится, что на миру и смерть красна, а оставаясь в тылу врага, каждый обрекал себя на возможное забвение. Особенно на первом этапе партизанского движения.

Способствовали тому и меры, предпринимаемые самими партизанами для конспирации. С этой целью менялись фамилии, изобретались легенды, чтобы не поставить под угрозу родственников, нередко проживавших на оккупированной территории, возможно, в не столь уж удалённой от расположения отряда деревне. В. З. Корж на время войны стал Комаровым, а отправляя на “Большую землю” будущего Героя Советского Союза Веру Захаровну Хоружую, настойчиво ввнушал ей, что никакого Коржа нет, есть Комаров, а та — тоже опытная подпольщица, отсидевшая несколько лет в польской тюрьме, — с пониманием отвечала ему, что если немцы узнают настоящую фамилию партизанского командира, то от Коржей в его родной деревне “и крошек не останется”. И в течение всей войны не только партизаны, но и всё окрестное население звали его Комаровым. Потому-то в 1944 году, когда с фронтом, гнавшим гитлеровцев на запад, вернулись на белорусскую землю дочери Василия Захаровича Ольга и Зинаида, воевавшие в Красной Армии, о своём отце они не смогли услышать ничего, хотя их части двигались и по тем самым местам, где действовали отряды Пинского партизанского соединения. В деревнях они спрашивали о Корже, однако получали ответ, что “в наших краях партизанами руководил Комаров”. Младшая, Зинаида, впервые услышала о папе уже на территории Венгрии, когда по радио прозвучало сообщение, что партизанскому командиру Василию Захаровичу Коржу присвоено звание Героя Советского Союза.

Но всё это было потом. До этого надо было дожить и довоевать. А в сорок первом и Коржу, и тем, кто ему поверил, предстояло уходить туда, где почтальон не мог «сойти с ума, разыскивая нас», поскольку почтальона не было, да они и сами не всегда могли знать, где в данный момент находятся. В то же время каждому требовалось не только железно усвоить, что на кон ставится собственная жизнь, но и весьма многое освоить, дабы, как минимум, она продлилась подольше, а как максимум – победить. То, что партизан должен был уметь, перечислил один из бойцов первого набора созданного В. З. Коржом отряда Эдуард Болеславович Нордман. Он, в 1941 году работник Пинского райкома комсомола, был принят в отряд рядовым бойцом, участвовал в подрыве десятка вражеских эшелонов, возглавлял группы разведчиков в партизанских рейдах, был помощником комиссара отряда и бригады по комсомолу, исполнял обязанности комиссара отряда, после войны дослужился до генерал-майора госбезопасности. Будучи пенсионером, живя уже в Москве, положил много сил на создание мемориала памяти боевых товарищей, который теперь стоит в центре Пинска. А перед тем, как уйти в мир иной, подготовил книгу под красноречивым названием «Не стреляйте в партизан...» Вот пункты, напоминающие, что партизаны для успешных действий в тылу врага должны были уметь.

Во-первых, партизану предстояло стать разведчиком: и на местности хорошо ориентироваться, и следы читать, и маскироваться уметь так, чтобы вовремя стать незаметным, ведь поле видит, а лес слышит. Ему пришлось освоить и технологию создания конспиративной сети в населённых пунктах, особенно в тех, где размещались немецкие и полицейские гарнизоны, приёмы тайной почты, условные знаки. А это – искусство, которому в других ситуациях учат многие годы в специальных заведениях.

Во-вторых, надо было стать хорошим пехотинцем, готовым к длительным переходам, к рытью окопов, траншей, быстрому сооружению укрепленных огневых точек, иметь навыки ведения боя в составе подразделения и в одиночку, в атаке и в обороне.

В-третьих, стать сапёром-минёром, притом не только уметь пользоваться готовыми взрывными устройствами, но изготавливать их самому. Теперь уже вряд ли кто скажет, из скольких бомб и снарядов партизаны выплавляли, выковыряли тол, чтобы было с чем ходить на ту же «железку».

В-четвёртых, стать медбратом, ведь помощь друг другу во время ранений и болезней они оказывали сами, особенно на первых порах, когда в отрядах почти не было ни врачей, ни санитаров.

В-пятых, он должен был быть готов делиться последним. Не раз, пишет Э. Б. Нордман, «особенно в первые месяцы, нам приходилось выкладывать на общий «кон» весь наличный хлеб, резать его на примерно равные куски. Затем один отворачивался, другой брал кусок и спрашивал: «Кому?» Тот отвечал: «Лифантьеву, Комарову, Нордману...» Всем выделялось поровну – и рядовому, и командиру. А далее – самое важное: «нас такая уравниловка только сплачивала», потому что «между теми, кто в минуты тяжелейших испытаний, после трудного боя или перехода делится единственным сухарём, складываются особые отношения».

Добавим, в-шестых, что партизанам предстояло стать сноровистыми строителями, способными с помощью пилы, топора да лопаты соорудить землянки-баракы для размещения сотен вооружённых людей – ведь были отряды, насчитывающие до 600 человек и более. Нужны были и помещения для оружейных мастерских, складов боеприпасов, кухонь. И обязательно – бани. Как вспоминал командир 752-го партизанского отряда, выросшего в 1-ю Бобруйскую партизанскую бригаду, Герой Советского Союза Виктор Ильич Ливенцев, не лекарства, которые не всегда удавалось найти, а гигиена была основным средством, гарантировавшим сохранение здоровья народных мстителей и обитателей размещавшихся рядом с боевыми подразделениями семейных лагерей. Этот нюанс важно подчеркнуть ещё и потому, что в современных – уже постсоветских – фильмах о той войне партизаны и партизанки зачастую изображаются грязными, опустившимися людьми, которым не приходится в голову умыться, искупаться даже в тех случаях, когда их стоянка находится на берегу реки или озера. Более того, если судить по таким лентам, то чем выше был партизан в партизанской табели о рангах, тем неопрятнее он выглядел. Приходилось видеть телефильм, в котором да-

же в партизанских госпиталях все изображены грязными – и те, что лечатся, и те, кто лечит.

На самом деле и ветераны, и исследователи партизанского движения однозначно отмечают, что в отрядах, бригадах, полках с санитарией было всё в порядке, потому и не было зафиксировано самого страшного – эпидемий, хотя в деревнях, оставленных оккупантами без всякого медицинского наблюдения, тиф был частым гостем. Отмечал эту особенность в своих воспоминаниях “Незабываемое” и К. Т. Мазуров, имя которого и сейчас почитается в Беларуси. С 1956-го по 1965 год он был руководителем республики, затем в течение тринадцати лет – первым заместителем председателя Совета Министров СССР, а во время войны многие месяцы провёл на оккупированной гитлеровцами территории в Брестской, Пинской, Минской, Полесской, Гомельской областях в качестве представителя Центрального штаба партизанского движения и ЦК белорусского комсомола. Притом он участвовал и в атаках на немецкие и полицейские гарнизоны, и в подрывах мостов, чем снискал непоколебимый авторитет себе и много плюсов добавил к авторитету главному партизанскому и комсомольскому штабам. Да, констатировал он, люди в отрядах болели простудами, некоторых мучили желудочные болезни, например, язва, были такие, что от недостатка витаминов страдали “куриной слепотой”, чего не избежал и сам Мазуров, “но тиф не был допущен к нашим стоянкам”, другие инфекционные заболевания тоже “в партизанских формированиях были редкостью”. Им преградило дорогу именно то, что партизанские стоянки функционировали как полнокровные жилые комплексы, а с образованием партизанских зон, охватывающих сотни населённых пунктов, за чистоту бороться было уже легче, поскольку в обеспечении гигиены лесных бойцов участвовало и гражданское население этих деревень с их домашними банями. Но было и взаимодействие обратного порядка. По архивным данным, только в третьем квартале 1943 года медиками партизанской бригады имени Молотова, действовавшей в Ивановском и Дрогичинском районах Брестской области, “было обслужено 1188 человек гражданского населения”, что создавало среди этого же населения “огромный авторитет бригаде и вообще партизанскому движению”.

Красноречивые сведения на сей счёт содержит и хранящийся в Национальном архиве Беларуси отчёт А. Е. Клещёва, который в 1943 году возглавлял Пинский подпольный обком партии и в отсутствие В. З. Коржа, вызванного в Москву, командовал Пинским партизанским соединением: “Немцы писали, что партизаны живут, как первобытные люди. Но в тылу противника партизаны сумели построить рациональный быт. В каждом отряде была баня, и один раз в десять дней каждый боец в ней мылся и менял бельё. В отрядах были парикмахерские, сапожные и портняжные мастерские, мельницы, кузницы, молотилки, кожевенные мастерские, мастерские для выделки валенок, которые обслуживали и партизан, и население. В бригаде имени Кирова было организовано колбасное производство, где вырабатывалось несколько тонн сухой колбасы в месяц, которая выдавалась бойцам для далёких походов”.

В-седьмых, каждому из партизан предстояло стать агитатором и пропагандистом, а “надо было уметь разговаривать со старыми и молодыми, с мужчинами и женщинами, благосклонно к нам настроенными и не очень”, – подчёркивал Э. Б. Нордман, притом в общении с населением предстояло быть людьми оптимистичными, ибо “что это за агитатор, если от него на версту несёт унынием”. Агитировали ведь не только листовками, газетами, хотя их распространению тоже уделяли большое внимание. В одном из отчётов о деятельности уже упомянутой бригады имени Молотова отмечается комсомолка Анна Тарасенко, которая за три месяца подготовила 17 тысяч экземпляров листовок, сводок Своинформбюро, обращений к населению, а также машинистка Екатерина Тимашук, которая “за зиму отпечатала на машинке более 22 тысяч экземпляров...” Проводились даже концерты коллективов партизанской художественной самодеятельности – действовал такой и в бригаде имени Молотова. Но наиболее доходчивым было слово в откровенной беседе, пусть не всегда лицеприятной. Потому с первых недель партизанской войны Корж “не упускал случая, когда можно было всем отрядом открыто пройти по деревне, остановиться, не спеша побеседовать, не отказываясь от приглашения позавтракать или пообедать”. Вот одна из его записей в той самой записной книжке, найденной в подбитом немецком танке ещё в первом бою: “20.08.1941. Я почувствовал, что последние три дня наше легальное появле-

ние в деревнях и разговор со всеми и некоторыми языкастыми в отдельности давал большую пользу в нашу сторону”. Языкастые, несомненно, были, ведь совсем недавно все представители власти твердили, что если придётся воевать, то только на вражеской территории. “9.09.1941. Утром вышли из хутора Стеблевичи и демонстративно прошли через всю деревню. С многими говорили, позавтракали в нескольких дворах”, и уже “само присутствие партизанского отряда в районе поднимало дух населения”. В докладной записке Центральному штабу партизанского движения тоже констатировал: “Наш открытый поход по деревням и рассказ правды населению сделал много полезного для партизан, подрывал и опрокидывал то влияние полиции и немцев на население, которое они создавали... Одновременно наше быстрое и умелое маневрирование создавало у населения впечатление о множестве партизанских отрядов...”

И, наконец, партизану нужно было уметь пользоваться самыми разными видами оружия. Из-за фронта разного рода стволы стали более или менее регулярно подбрасывать только в 1943 году, а до этого в атаку ходили и нападения отбивали тем, что не Бог подаст, так враг оставит: местный полицай, которого немцы вооружали, как правило, трофейными винтовками – польскими, французскими, бельгийскими, английскими, а также немец, словак, румын, мадьяр и даже французы, целый полк которых в эсэсовской форме действовал в Могилёвской области, о чём подробно рассказал О. И. Бэйда в своей книге “Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944”. Народные мстители справились и с этой задачей. Разумеется, им в том помогли оказавшиеся в окружении бойцы и офицеры Красной Армии, которых в партизанских рядах в Белоруссии по итоговому счёту было около 11 процентов, констатировал руководитель ЦШПД П. К. Пономаренко. Роль они сыграли весьма важную, возглавив роты, штабы в отрядах, отряды, обучая вчерашних гражданских, нередко едва достигших совершеннолетия, ружейным приёмам, минному делу, атакам, оборонительным действиям. В Пинском партизанском соединении из окруженцев и военнопленных были пять из семи комбригов, а также две трети командиров отрядов, рот, взводов. В свою очередь, многие из них дождались весны 1942 года, чтобы уйти к партизанам, именно в местных семьях под видом родственников или наёмных работников. Да и тех, которые сразу стали создавать свои лагеря в лесах, харчами обеспечивали тоже сельские жители. Взаимопонимание, проявившееся уже на самом начальном этапе войны, стало одним из главных условий, способствовавших превращению сопротивления в тылу врага во всенародное.

Суммируя сказанное, надо подчеркнуть, что почти каждому партизану предстояло быть бойцом многопрофильным. Уже в победоносном 1944 году у Василия Захаровича Коржа состоялась беседа с командиром 23-й стрелковой дивизии Красной Армии, которому он выделял проводников и два отряда своих бойцов, чтобы перерезать дорогу Поречье–Пинск и зайти в тыл противнику. После той операции, сообщает его биограф Николай Смирнов, фронтовой комдив не только поблагодарил, но сказал весьма лестные слова:

“А молодцы ваши партизаны... Так хорошо ориентируются на местности и, главное, быстро перемещаются. На врага внезапно, как снег на голову, сваливаются. Хорошие разведчики и хорошие бойцы”.

В. З. Корж суммировал:

– Позади такая война... Научились наци хлопцы *побеждать не числом, а умением!*

Но, повторимся, до этого надо было ещё дожить и довоевать в весьма непростых условиях. Теперь известно, что на фронте пребывание на боевых позициях засчитывалось вдвойне – месяц, год за два, командирам штрафных подразделений – даже за шесть. А чего стоили год, два, тем более три в партизанском отряде?!.. Видимо, сами партизаны этот вопрос себе вряд ли задавали. Однако факт, что людей, готовых и способных вынести такую нагрузку, нашлось очень много, остаётся очевидным, хотя и без споров между ними не обходилось. И, пожалуй, наиболее дискуссионным был вопрос не только о том, где предпочтительнее воевать, а и как воевать. Особенно актуальным был он на первом этапе войны, ведь если была полная ясность в том, что драться надо, не всем и не сразу удалось определиться, какой именно должна быть драка с врагом в его тылу. И проблема заключалась не только в том, что у вчерашних гражданских не хватало опыта боевых действий, что нередко

приводило к печальным последствиям. В Национальном архиве Беларуси есть документ, в котором рассказывается, что бойцы одного из отрядов, действовавших в Столинском районе, отправляясь на задание, сложили своё оружие на подводы, а сами шли рядом, даже не выслав вперед дозорных. Наткнувшись на немцев, разбежались. Но понимание, что правило “не зевай” надо блюсти в полной мере, приходило быстро, однако потребовалось более длительное время, чтобы суровые реалии подсказали нечто более существенное: драться надо не любой ценой.

При неравенстве сил стать павшим не представляло особого труда. Значит, каждый партизанский удар, налёт, засаду нужно было готовить так, чтобы они стали победными, каждая операция должна была быть похожа на разящий бросок кобры, всякий раз надо было появиться там, где не ждут, стремительно ударить и исчезнуть, раствориться, вновь ударить и исчезнуть уже в другом месте. Вот суждения из книги “Не стреляйте в партизан...”: “Крупных боёв мы, разумеется, не вели. Для этого у отряда не было ни оружия, ни боеприпасов. Каждый патрон был на счету. Но Корж постоянно устраивал засады на одиночные автомашины и мотоциклистов. 22 июля сделали очередную засаду на дороге. Было убито четыре гитлеровца, ехавших на мотоциклах. Среди них – один офицер. Мотоциклы сожгли, оружие забрали. А 5 августа на тракте между местечком Ленин и райцентром Житковичи уничтожили пятнадцать немцев, в том числе пять офицеров. Корж тогда подобрал очень удобное место для обстрела. Но колонну грузовых автомашин пропустили. Немцы ехали беспечно. Многие раздеты до пояса. Играли на губных гармошках. Самодовольные, весёлые. Руки наши чесались: ударить бы! Но нас было в 15–20 раз меньше. И ни одного пулемёта.

Через час появилась большая одиночная автомашина (как оказалось – штабная) в сопровождении двух мотоциклов. Корж бросил гранату и ударил из автомата по кабине. По этому сигналу открыли огонь из винтовок и мы. Достались нам богатые по тому времени трофеи – оружие, патроны, гранаты, штабные карты, несколько плащ-накидок. Автомобиль и два мотоцикла сожгли, забрали 12 винтовок и несколько пистолетов... Эта операция для нас была очень важной. Не столько в смысле трофеев, сколько в смысле поднятия боевого духа. Потому что провели её “очень чисто”, как выражался Корж, без единого выстрела со стороны немцев”. Та “удачная операция, проведённая 5 августа, показала, что наша даже немногочисленная боевая единица способна бороться, что мы обязательно будем сражаться, потому что дух наш крепок. Этот дух был главной нашей опорой и единственной мотивацией”. И “на первом этапе мы старались нещадно жалить, жалить, жалить. Но с обязательным точным расчётом сил и возможностей. Мы ставили своей целью выиграть каждый свой бой. В противном случае предпочитали в драку не ввязываться. И это был правильный подход”.

И ещё один вывод тоже созрел довольно быстро. Боевая практика показала, что “излишняя концентрация партизанских сил в одном месте, в одной боевой единице – ошибочна. Особенно ошибочна она была в самом начале нашего движения. Именно по этой причине, я считаю, погиб в сентябре 1941 года столинский партизанский отряд, в котором базировался и подпольный обком партии. Тогда, по неопытности, думалось, что чем нас больше в одном формировании, тем лучше для нас. Оказалось – для врага. Ему ничего не стоило подтянуть хорошо организованные, обеспеченные техникой, потому лёгкие на подъём регулярные части, окружить и...” Ведь большое партизанское формирование тоже становилось менее подвижным и, конечно же, не так уж незаметным для нежелательного глаза. Не случайно в своих листовках, изданных якобы от имени советского командования, гитлеровцы призывали: “Объединяйтесь в крупные соединения! Нечего проводить мелкие бои, они ничего не дают... Поможем Красной Армии по-крупному!” Уже после войны вывод, тогда “наощупь” сделанный партизанами, подтвердили западные военные аналитики Диксон и Гелбруни: “Советские партизаны доказали, что тысяча отрядов по пятьдесят человек лучше, чем пятьдесят отрядов по тысяче”.

В своей книге Э. Б. Нордман приводит ещё один пример, красноречиво рисующий особенность логики сопротивления в тылу врага. В 1943 году он некоторое время был комиссаром в отряде, который, вырвавшись из блокады, оказался в подчинении командования другого соединения и сразу же получил

приказ атаковать гарнизон в деревне Посто́лы. Молодой комиссар отказался “визировать” приказ, а партизанский порядок требовал этого, притом отказался после того, как командир отряда капитан Баранов дал привычный для офицера ответ “Есть!” В штабе соединения состоялась резкая перепалка с угрозой расстрела, но приказ всё-таки был отменён. Уже после войны, вспоминая о том случае, Э. Б. Нордман рассуждал: “Почему Баранов ответил: “Есть!”? Этот ответ вытекал из ментальности строевого офицера: приказ не обсуждается и должен быть выполнен любой ценой. Почему я сказал: “Нет!”? Потому что любая цена нас не могла устроить. Это мне продиктовал опыт полторалетних партизанских действий. На той войне мы вели разные бои. Были и стремительные атаки, и позиционное противостояние, чаще всего характерное для обороны. Бывало, что противоборство длилось неделями. Но это уже стало возможным тогда, когда партизанские зоны занимали многие тысячи квадратных километров, а партизанские отряды и бригады насчитывали десятки тысяч хорошо вооружённых бойцов”. На первом же этапе исходили из того, образно рассуждал Эдуард Болеславович, что дубиной, какой бы большой она ни была, уничтожить блох в доме невозможно. Тактика “блохи и кобры”, применяемая партизанами в 1941 году, оправдала себя в полной мере.

Однако сказанное не означает, что тогда каждый командир предпочитал действовать только на свой страх и риск. Уже в феврале и марте 1942 года отряд В. З. Коржа с несколькими такими же формированиями Минщины провёл рейд по восьми районам, который имел весьма важный эффект: опережавшая его молва утверждала, что движется чуть ли не дивизия. Весна 1942 стала во многом переломной, ибо возобновили боевую работу те, кто пережил зиму, в уже действующие и новые отряды массово хлынули стар и млад из числа тех, кто воочию увидел, что несёт “новый порядок”. Появились диверсионные и разведывательные группы из-за фронта. Стала налаживаться связь с Москвой. Напряжение борьбы нарастало. Но условия, в которых она велась, были всё-таки разными даже на территории Беларуси.

Несколько лет назад автор этих строк, работая в издательстве “Беларусь”, знакомился с рукописью воспоминаний ветерана-журналиста, которого забрасывали в тыл готовить материалы о народных мстителях Витебщины. В ней были и страницы, рассказывающие о том, как в деревню в партизанской зоне прибыли... грузовики из-за фронта с возвращающимися из госпиталей партизанами и бойцами, направленными в тыл гитлеровцев с “Большой земли”, а также с оружием, боеприпасами, взрывчаткой. Расскажи такую историю кому-нибудь из пинских, брестских партизан, тот может заявить, что это фантазия, но историки знают, что с начала февраля и почти до конца сентября 1942 года существовали Витебские или Суражские ворота – так назывался сорокакилометровый фронтовой пролом. Как свидетельствуют энциклопедии, “прорыв линии фронта возник в результате действий 4-й ударной армии Калининского фронта в ходе Торопецко-Холмской операции 1942 года и освобождения прифронтовых районов партизанскими отрядами М. Ф. Бирюлина, М. И. Дьячкова, М. Ф. Шмырёва и Я. З. Захарова, С. Т. Воронова, В. В. Стрелкова”. Подступы к “воротам” удерживали части 4-й ударной армии и 1-я Белорусская и 2-я Белорусская имени П. К. Пономаренко партизанские бригады”. Через ту дыру шло активное движение в обе стороны. Но ни о каких грузовиках из-за фронта не могли мечтать народные мстители других белорусских регионов, В. З. Корж даже собственную постоянную радиосвязь с Москвой заимел только в 1943 году. Тем не менее, даже в весьма удалённых от фронта местностях, даже на территориях, жители которых в составе СССР прожили менее двух лет, сопротивление получило огромный размах. Значит, не “рука Москвы” вызывала его к жизни, хотя она и способствовала этому.

Сказывались на методах партизанской борьбы и природные особенности территорий. В малолесной Украине многим командирам предпочтительнее были масштабные рейды. На них делали ставку В. С. Ковпак и сменивший его П. П. Вершигора, который даже критиковал В. З. Коржа, что тот при каждом отряде держал отряд семейный, а в деревнях – заставы и комендатуры, которые обеспечивали взаимосвязь поселян с партизанами – с местными и приходящими. В. З. Корж отвечал, что тот не понял белорусской специфики. Вёл дискуссию с В. З. Коржом в книге “Война в тылу врага” и Г. М. Линьков – командир диверсионной группы, заброшенной из-за фронта. И ему не нравился “колхозный способ” деятельности местных народных мстителей – именно

так он называл наличие семейных лагерей под защитой боевых. В. З. Корж отвечал и ему: делая упор только на диверсионную работу, забываешь о таких формах партизанской борьбы, как «разгром гарнизонов врага, создание освобождённых районов, защита населения от уничтожения, разграбления, от угона в немецкое рабство, срыв экономических мероприятий фашистов, систематическая массово-политическая работа среди населения оккупированных районов, отвоёвывание этих районов у врага, отвлечение войск противника от действий на фронте...» Разделить отряд на множество групп, разослать их с взрывчаткой в разных направлениях и ждать их возвращения в глубоко законспирированном месте – малая часть дела, такие группы не способны даже обеспечивать себя продовольствием, потому вынуждены были кормиться за счёт населения. Да и сосредоточиться сугубо на диверсиях спецотряд смог лишь потому, что район почти полностью контролировался партизанами. В таких условиях чрезмерные конспиративные усилия у местных партизан вызвали удивление.

Через много лет, скорее всего, не зная об этом споре, В. З. Коржа поддержал П. А. Судоплатов, в годы войны руководивший четвёртым управлением НКВД и державший в своих руках многие нити подпольной борьбы на оккупированных территориях. В книге «Разные дни войны и дипломатии. 1941» он зафиксировал красноречивый случай: «В самом начале июля 1941 года был отдан приказ наркома обороны о выброске на парашютах несколькими эшелонами в тыл врага 204-й воздушно-десантной бригады в районе Любань, Волосовичи в Белоруссии для изоляции и уничтожения подвижных соединений противника. Это свидетельствует о том, что уже в первые дни войны мы пытались путём диверсий нанести урон тылу немцев, в частности, уничтожить склады с горючим, инфраструктуру снабжения моторизованных группировок, чтобы облегчить положение наших войск, находящихся в районе Бобруйска, где складывалась очень напряжённая обстановка. К сожалению, эти действия не увенчались успехом. Для нас это был наглядный урок, насколько необходимо при десантировании специальных групп в тыл противника подготовить условия, обеспечивающие их безопасность и боеспособность». Такие условия, отмечал Э. Б. Нордман, «для специальных отрядов из-за фронта создавали мы – местные партизаны. Встречали их на своих партизанских аэродромах, расквартировывали, обеспечивали нужной информацией, местными разведчиками и проводниками, когда была необходимость, укрепляли своими бойцами». Без партизанских зон «спецотряды, бойцы которых не были знакомы с местностью и не имели связей среди местного населения, просто не смогли бы действовать. Никакие спецназы не способны на то, на что способны так называемые «домашние партизаны», везде имеющие свои глаза, уши и припрятанное оружие». Так точки над «i» расставляла сама война.

К. Т. Мазуров позднее вспоминал, что только «в Брестской области в семейных лагерях было сосредоточено 35 тысяч мирных жителей, действовало 19 школ». В белорусских лесистых условиях специфика борьбы в тылу врага состояла, прежде всего, в том, что упор делался на установление контроля над значительными территориями. Впрочем, в смоленских, брянских, псковских тоже. На завершающем этапе войны партизанское командование, подпольные райкомы партии регулировали не только боевую деятельность народных мстителей, но и гражданскую жизнь местных поселенцев, к примеру, посевную, уборочную кампании. В архивах полно данных о том, сколько посеяно, прополоту, убрано конкретными отрядами. В отчёте Пинского подпольного обкома партии о работе с 1 июня по 1 сентября 1943 года сказано: «Партизанские отряды оказывают помощь пострадавшим крестьянам. Бригада имени Кирова выдала крестьянам 26 коров, 125 пудов хлеба, девять пудов соли. Во всех отрядах построены конные мельницы, которыми пользуется население. Отряд имени Чкалова бригады «Советская Белоруссия» отстроил и пустил в ход паровую мельницу для окрестных деревень. Во время уборки урожая партизанские отряды выделяли группы вооружённых бойцов для помощи крестьянам и охраны». У кого-то теперь может возникнуть вопрос, откуда у них могли взяться запасы зерна, те же коровы, поскольку животноводческих комплексов в лесах они не содержали. Эти ресурсы попадали в партизанские руки после нападений на гарнизоны, имения, базы, спиртзаводы, эшелоны, железнодорожные станции.

Партизаны помогали, в первую очередь, безлошадным семьям, вдовам, семьям фронтовиков, отмечал Э. Б. Нордман. В сводке «о весенне-посевной

компании отряда имени Димитрова” говорится, что на 28 мая 1944 года силами отряда засеяно 40,6 гектара. На счету отряда имени Кирова на 25 мая – 2,3 посеянного овса, 2,5 ячменя, 3,9 гречихи, 1,2 проса, 6,6 посаженного картофеля. Бойцы отряда имени Гастелло сеяли морковь, свеклу, огурцы, тыкву. Сводки, направляемые в подпольные райкомы, подписывались командирами и комиссарами отрядов. В отчёте Пинского обкома есть не менее важная фраза: “Крестьяне жгут мосты, рвут связь, водят группы подрывников, осуществляют 30 процентов разведки”, – ведь многие операции против захватчиков требовали не только динамита, патронов, винтовок, автоматов, а и живого труда с лопатой, ломом, пилой, топором в руках. Вот характерные пункты из отчётов Ивановского райкома комсомола: молодёжью деревни Калилы перекопана дорога Мотоль–Ополь, сделаны завалы на дороге Новошицы–Дружиловичи, парнями деревни Березляны “завалена дорога с Янова до дер. Староселье” – ноябрь 1943 года. Из отчёта за февраль 1944 года: “завалили дорогу с деревни Вулька, до деревни Боровая 3,5 километра”, “по дороге на Застружье–Новолучки развалили два моста”, подпольная группа деревни Вулька Достоевская разобрала “узкоколейную железную дорогу от дер. Вульки до дер. Боровой на 4 километра”. Сельская молодёжь занималась и ещё одной опасной работой: доставляла партизанам неразорвавшиеся авиабомбы, из которых потом выплавляли тол. Только в ноябре 1943 года юноши деревни Березляны привезли в один из отрядов двенадцать бомб, среди которых была и стокилограммовая.

Регулировались партизанским командованием и другие аспекты жизни. В Национальном архиве Республики Беларусь хранится приказ гражданскому населению, которое находилось в зоне контроля партизан бригады имени В. М. Молотова: “За последнее время среди гражданского населения распространилось и укрепилось так называемое самогонное производство. Как следствие этого появилось массовое уничтожение хлеба, так необходимого самому населению. Почти все случаи безобразий среди мирного населения, между мирными гражданами и партизанами происходят на почве употребления самогона. Также зарегистрированы случаи преднамеренного, с известными целями, спаивания партизан немецкими прислужниками.

На основании изложенного приказываю:

1. Выгон самогона на территории влияния партизан с 25 января 1943 года категорически запретить.

2. К гражданам, уличенным в снабжении партизан самогоном, будут применяться самые строгие меры по законам военного времени, вплоть до расстрела.

3. Проведение в жизнь настоящего приказа возложить на начальников застав.

4. Приказ довести до сведения всего мирного населения на территории влияния партизан не позднее 25 января 1943 года”.

Ивановский подпольный райком партии в своем отчёте о работе в мае-июле 1943 года сообщал: “73 деревни полностью освоены партизанами, во многих избраны народом представители Советской власти. Около года немцы на этой территории не были ни одного разу”. И чем обширнее партизанская зона, тем больше документов, подтверждающих, что её командование занималось отнюдь не только боевыми делами.

О самих же боевых делах лучше всего сказать словами тех, против кого партизаны сражались. Известный гитлеровский полководец Хейнц Гудериан: “По мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились всё более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат”. Йозеф Геббельс пишет в своём дневнике: “6 марта 1942 года. В донесении СД сообщается о положении в оккупированной России, оно ещё более неустойчиво, чем все предполагали. Опасность со стороны партизан растёт с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными территориями оккупированной России...” Начальник военных сообщений группы армий “Центр” Исмер – в донесении № 1671/42 от 29.08.42 года: “...вся железнодорожная сеть в тылу группы армий “Центр” между Брестом и фронтом подвергается систематическим нападениям в широком масштабе. Усиление нападений в треугольниках Невель–Полоцк–Витебск и Витебск–Орша–Смоленск превратило эти дороги в зону военных действий. В результате стало невозможным регулярное движение на основной железнодорожной артерии фронта”.

Газета “Берлинер берзенцайтунг” за 24 июля 1943 года: “Самое большое впечатление на нас произвёл образ машиниста, ведущего длинный состав с людьми и ценными грузами... Он ведёт свой состав через сумрак ночи, и никто не знает, что ждёт машиниста и его поезд в эту ночь. Эта поездка может окончиться смертью. Каждая поездка ведёт в неизвестность, и среди тех, кто обслуживает поезда германских дорог на Востоке, нет ни одного, кто днём или ночью не пережил таких приключений, какие обычно бывают уделом солдата, сражающегося на фронте. Среди них, пожалуй, нет ни одного, чей паровоз не был бы обстрелян на полном ходу из засады... ни одного, кто не мог бы рассказать о том, что испытывает человек, когда внезапно раздаётся взрыв, разрушающий полотно и с грохотом срывающий с рельсов полдюжины вагонов”. Начальник тылового района группы армий “Центр” генерал пехоты Шенкендорф в донесении главному командованию 20 сентября 1942 года: “За период с 24 августа по 17 сентября вместо 672 составов проследовало 343 состава, то есть вместо 28 составов, которые должны проходить ежедневно, следовало только по 14,3 состава в день... Причина: возросшие диверсии на ж. д. линиях... Наступило время, когда истощение армейских запасов, в связи с недостаточным подвозом, оказывает непосредственное воздействие на армии”. Немецкий историк Гёрлиц в книге “Вторая мировая война”: “В Ленинградской области партизанская деятельность временами была столь сильной, что командующий группой армий “Север” фельдмаршал фон Лееб вынужден был прекратить свои поездки на фронт”. Вот так-то.

К концу 1943 года лесные бойцы контролировали 60 процентов территории Белоруссии. Партизанские зоны превращались в партизанские края – как и в Смоленской, Калининской, Орловской, Брянской, Псковской, Новгородской областях. Жирную черту под процессом, начавшимся боем у Рыбого моста, подвёл немецкий аналитик Г. Теске: “Первая битва, которую проиграл вермахт во Второй мировой войне, была битва против советских партизан зимой 1941–1942 годов. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе... В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны”.

О том, насколько движение сопротивления в гитлеровском тылу выросло и окрепло за годы войны, ярко свидетельствует оборона Днепровско-Бугского канала, который проходит по югу Брестчины, соединяя бассейны Западного Буга и Припяти, впадающей в Днепр. В феврале-марте 1944 года он стал линией сплошных боёв. Канал активно использовался гитлеровцами для транспортировки военных грузов с первых дней войны. Только боевых катеров в Пинск и дальше на Припять по нему прошло около двух сотен. Есть данные, что в 1942 году по каналу перевезено до 200 тысяч тонн военного снаряжения и припасов. Партизанские нападения на гидроузлы начались ещё в 1942-м, а в начале 1943-го диверсионные группы отрядов имени Лазо, имени Кутузова, имени Суворова разрушили восемь гидроузлов, и почти полтора десятка немецких судов оказались запертыми в Пинске. Однако в начале 1944 года в районе канала возникла новая ситуация. Южный фланг Второго Белорусского фронта продвинулся на запад столь далеко, что его части оказались за плечами у партизан Пинского и Брестского соединений. Приходилось читать, что маршал Рокоссовский предлагал из этого подбрюшья нанести мощный удар в направлении Кёнигсберга и отсечь все гитлеровские войска на территориях, которые они оккупировали, от рейха. В серьёзную степени способствовало возникновению этого замысла и то, что регион буквально кишел партизанами. Только в названных соединениях насчитывалось примерно 25 тысяч человек, а это две дивизии бойцов, получивших такой уникальный опыт борьбы с врагом, которого не было даже у фронтовиков. Но и немцы слепцами не были, и чтобы не дать партизанам соединиться с фронтовыми частями, не допустить их совместных действий, они решили “зачистить” регион, восстановить судоходство по каналу, а заодно обезопасить железнодорожные и шоссейные коммуникации от Лунинца до Бреста. На это были брошены немецкая 23-я пехотная, 8-я мадьярская дивизии, а затем части 113-й дивизии СС и кавалерийский полк власовцев. Однако в 1944 году партизаны были уже не те, что в начале войны. Они взорвали мосты, паромы, соорудили многочисленные дзоты, вырыли сеть траншей, создали минные поля. Для обороны канала была образована специальная группировка, насчитывавшая шесть тысяч бойцов. Линия боёв растянулась на 60 километров, и дли-

лись они сорок дней. В некоторых местах гитлеровцам удалось форсировать канал, углубиться в партизанскую оборону, однако решить свои задачи им не удалось.

Весьма образно зафиксировала это народная память. На острие удара уже за каналом и по мере удаления от него были расположены три небольшие деревни: Колено, Волосани и Цыцки. Так вот, местные жители с улыбкой подчёркивали, что во время того наступления оккупанты “добрались только до Колена”. В последний день марта 1944 года Пинская партизанская бригада и бригада имени Молотова были выведены в расположение советских войск. С собой они увели 15 тысяч местных жителей. Остальные продолжали драться в тылу противника. А вышедшим бригадам командование 47-й армии выделило участки на линии фронта. Почти трёхлетние стычки с оккупантами, рейды по их тылам, блокадные сражения дали партизанам такую выучку и опыт, что они уже могли вести бои бок о бок с армейскими частями.

О том, что народные мстители сыграли весьма важную роль в стратегических раскладах Великой Отечественной войны, свидетельствуют данные германского генерального штаба, согласно которым на 1 октября 1943 года в Белоруссии борьбой с лесными бойцами, охраной важных объектов и так называемым умиротворением было занято 14 немецких, 9 венгерских, 3 румынских, 2 словацкие дивизии, а также румынский 3-й горнострелковый корпус. Плюс охранные, полицейские, жандармские формирования, айнзатц-группы. Весьма красноречив и такой пример: в ночь на 20 июня 1944 года партизаны перебили 40775 рельсов на транспортных линиях Брест-Минск-Орша, Брест-Лунинец, что парализовало тыл противника перед началом операции “Багратион”. О том же говорит и награждение командующего партизанским соединением Полоцко-Лепельской зоны В. Е. Лобанка не только Звездой Героя Советского Союза, но полководческим орденом Суворова первой степени.

По данным историков, с июня 1941-го по июль 1944 года партизаны Белоруссии, которых к концу войны насчитывалось 375 тысяч, убили и ранили свыше полумиллиона гитлеровских солдат и офицеров и их союзников. Это хороший показатель даже для профессиональной армии. По невозвратным потерям соотношение составило 2,5 : 1 в пользу партизан. Они разгромили 948 гарнизонов, комендатур, штабов врага, уничтожили 939 складов, подорвали 11 воинских эшелонов, 18 тысяч автомашин, 1355 танков и бронемашин, 819 железнодорожных мостов. Во время Второй мировой войны во всём Третьем рейхе дважды объявлялся траур. Первый раз к нему понудили бойцы Красной Армии, разбив гитлеровцев под Сталинградом, второй “повод” в сентябре 1943 года дали белорусские подпольщики и партизаны, взорвав в Минске нацистского гауляйтера Вильгельма Кубе в его собственной постели.

Немецкий генерал-полковник Л. Рендулич писал, что результаты партизанского движения в СССР надо оценивать не только по людским и материальным потерям, но и по тому “колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска”. Ещё более определённо в книге “Дом, построенный на песке” выразился английский историк Г. Рейтлинджер: “Действительные размеры территории, которую немцы когда-либо контролировали, были столь малы, а объём деятельности гражданских оккупационных властей был столь незначителен, что настоящую историю страны в период германской оккупации надо искать в анналах партизанской войны, главным театром которой Белоруссия оставалась в течение всего периода германской оккупации”.

К этим словам надо добавить ещё несколько выводов: во-первых, не менее колоссальное воздействие партизанское движение оказало на тех, кто в нём участвовал, а также на их детей и внуков. В сознании ветеранов Великой Отечественной и послевоенных поколений прочно закрепилась поговорка: “Молчит, как партизан на допросе!” Не в упрёк никому будь сказано, но ни в одной армии мира солдаты не удостоились такой чести. Впрочем, партизаны в плен предпочитали не сдаваться. В Минске ныне живущим об этом напоминает памятник четырнадцатилетнему Герою Советского Союза Марату Казею, который, попав в западню и уничтожив из автомата в ближнем бою полтора десятка оккупантов и полицейских, когда закончились патроны, подпустил их к себе и взорвал гранату, “забрав” с собой ещё несколько врагов. И подобных подвигов было много. На кладбище моей родной деревни Переспа в Дрогичинском районе покоится её уроженец Яков Поклад. Оказавшись примерно в такой же ситуации, что и Марат Казей, он загнал в патронник сво-

ей винтовки последний заряд, снял сапог, приставил ствол под подбородок и пальцем ноги нажал на спуск. И не приходилось слышать от кого-либо из земляков, что он поступил неправильно.

Во-вторых, Великая Отечественная война и партизанское движение сыграли огромную роль в сплочении белорусского народа, бывшего до этого разделённым. Западные белорусы, жившие почти два десятилетия под властью Речи Посполитой и подвергавшиеся соответствующей идеологической обработке, тем не менее, в сентябре 1939 года встретили бойцов Красной Армии, как братьев, после гитлеровского нападения приняли в свои семьи тех, кто попал в окружение, бежал из плена, затем закрепили это родство совместной борьбой против оккупантов в лесных отрядах.

В-третьих, даже те, кто не находит сил, чтобы выцедить доброе слово по адресу партизан, вынуждены признать, что в ходе Великой Отечественной войны и партизанской борьбы состоялась «легитимация Беларуси как правового субъекта мирового сообщества, формальным закреплением которого стало членство в ООН – да ещё в статусе одного из основателей». Добавим, что титул «республика-партизанка» стал на многие десятилетия лавровым венком Белоруссии, о чём знали далеко за её пределами, а в ней самой помнили, что его добывали сыновья и дочери многих народов. В том же Пинском партизанском соединении одной бригадой командовал русский Михаил Иванович Герасимов, другой – грузин Иван Георгиевич Шубитидзе, бригадой имени Сталина в Брестском соединении – армянин Сумбат Хачатурович Арзуманян.

В исторической литературе немало суждений о том, какое же фронтовое сражение стало переломным в большой войне: поражение немцев под Москвой, Сталинградом или Курском, какое из них символизировало начало перелома, а какое закрепление. В любом случае это был перелом для гитлеровцев; для тех, кто развернул борьбу с врагом в его тылу, подобный вопрос и не вставал. Уже то, что свои записи в трофейной записной книжке, которая теперь является экспонатом Национального архива Республики Беларусь, Василий Захарович Корж начал с любимой песни «На закате ходит парень мимо дома моего...», свидетельствует, что сомнений в победе у него не было. Однако этот разговор не о том, кто внёс больший вклад в Победу. Победа – общее достояние. Речь о другом: бой с разведзвездом 293-й дивизии вермахта по своей сути стал атакой на рейхстаг, ибо был для гитлеровцев серьёзным знаком того, что на сей раз они не туда сунулись. У поэта Арсения Тарковского, который теперь меньше известен, чем его сын-кинорежиссёр Андрей, есть такие строки, написанные им в то время, когда он был капитаном-окопником:

*Мы намертво знаем, за что умираем:
Мы землю родную у вас отбираем...*

Партизаны на всех советских территориях, оказавшихся под оккупацией в ту войну, точно знали, за что дерутся. Политическое руководство их движением из Москвы, конечно же, наличествовало, но всё же люди, взявшиеся за оружие во вражеском тылу, исходили не только из коммунистических убеждений. Ведь счёт добровольцев шёл на миллионы, даже политзаключенные в массовом порядке заявляли о желании пойти на фронт. Кстати, отец Марата Казея, бывший балтийский матрос, погиб во время довоенных репрессий, тем не менее, семья его с первых дней войны включилась в подпольную борьбу. Мать Марата гитлеровцы повесили в Минске, сестра Ариадна была в партизанском отряде, потеряла в результате обморожения обе ноги, после войны учительствовала и стала Героем Социалистического Труда. Есть основания сказать, что основная масса людей руководствовалась весьма важным суждением, которое сформулировал поэт Дмитрий Кедрин:

*Да, страна наша не была раем:
Нас к земле прибывало дождём.
Но когда мы её потеряем,
Мы милей ничего не найдём!*

На этом можно было бы поставить точку. Но нельзя. Война, к сожалению, для партизан не закончилась, как ни странно, даже в республике-партизан-

ке. В некоторых печатных изданиях, но чаще всего в электронной прессе регулярно появляются выпады в адрес народных мстителей. Дескать, партизанское движение было искусственно поднято Москвой, хотя почему в таком случае настырная Москва не смогла того же сделать в Латвии или Эстонии?!.. Многие факты переставляются с ног на голову с упором на “чрезмерные действия партизан”. В частности, что во время штурма полицейского гарнизона в деревне Дражно в Стародорожском районе погибли не только полицейские, но и некоторые члены их семей. Но при этом умалчивается о том, что тот гарнизон был самым крупным в районе, насчитывавшем несколько сотен пожелавших служить “новому порядку”, а все, кто не согласился вступить в полицию, были просто изгнаны из деревни; что это был один из самых зверствующих гарнизонов, что его “бойцы” уничтожили еврейское гетто в Старых Дорогах – более двух тысяч узников – и вернулись “к месту дислокации” в сопровождении длинного обоза с награбленным имуществом. И нет свидетельства, что кто-то из жён или детей тех полицейских отказался принять кровавые “подарки”. Точно так же те, кто напоминает, что в деревне Налибоки в Столбцовском районе в ходе партизанской операции погибло более сотни её жителей, не говорят о том, что убитые входили в состав подразделения польской Армии Крайовой, были вооружены гитлеровцами для противодействия советским партизанам и во время переговоров отказались присоединиться к борьбе против оккупантов.

Не менее упорно муссируются и факты недостойного поведения отдельных партизан в небоевых ситуациях, что тоже, к сожалению, случалось. Однако опять-таки игнорируется то, что эти эпизоды получали соответствующую оценку командования бригад и отрядов. В. З. Корж весной 1942 года приказал перед строем расстрелять бойца, на которого пожаловался крестьянин деревни Гречановичи, что тот разорил улей на его пасеке: “Ты порушил не улей, а доверие к партизанам!” Осенью 1943 года в деревне Одрыжин Ивановского района нетрезвый партизан отряда имени Лазо по неосторожности убил девушку. По решению партизанского суда, утверждённому командиром и комиссаром бригады, он был расстрелян на глазах у сельчан. И, конечно же, не принимаются во внимание действия ложных партизанских отрядов, которые в массовом порядке формировались гитлеровскими спецслужбами. На вопрос о том, сколько их было на самом деле, могут ответить только архивы тех спецслужб, современные же исследователи упоминают только разоблачённые формирования такого рода. Профессор Э. Г. Иоффе в книге “Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел Иностранных армий “Восток” в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1941” напоминает, что только партизаны Д. Н. Медведева, действовавшие на стыке белорусских и украинских земель, ликвидировали три подобных отряда в районе Хотимска, партизаны А. Н. Сабурова – отряд в районе Мозыря. Ещё три лжеотряда действовали вдоль железнодорожной линии Минск–Барановичи, в 1942 году несколько подобных групп СД создало в Могилёвской области в рамках операции “Лесные бегуны”. Такое же формирование было создано в Смоленске и на автомобилях перебросено в район действий 1-й Белорусской партизанской бригады на Витебщине. Те отряды разоблачались довольно быстро настоящими партизанами, но успевали подпортить им репутацию. Использовали подобный метод и бандеровцы. Наткнувшись на одну из таких групп, погибли секретарь Пинского подпольного обкома комсомола Шая Беркович и депутат Верховного Совета БССР Владимир Немытов, воевавший в отряде имени Лазо. В форме красноармейцев зачастую предпочитали действовать и отряды польской Армии Крайовой, которые в той войне тоже решали отнюдь не белорусские вопросы и не скрывали своего враждебного отношения к белорусам в любом их облике, даже в полицейской форме.

В таком случае неизбежен вопрос: почему для кого-то стала возможной такая “перестановка акцентов”? Вопрос сам по себе неприятен, однако неприятен и ответ на него: в ту войну в оккупированной Белоруссии были не только партизаны, но и полицаи. Многие из них, пойдя в услужение гитлеровцам, спасли свою шкуру, но понесли куда более страшную кару, поскольку заплатили потерей чести, и даже там, где нашли убежище, не смеют рассказать о своих “подвигах”. Моральную плату за это платят и будут платить их дети, внуки и правнуки, так как и они не могут похвастаться такими отцами, дедками и прадедами. Героиня повести Василя Быкова “Знак беды” Степанида, разговаривая со знакомым полицаем о его детях, подвела выразительную

черту: “Они же тебя всю жизнь будут проклинать... Лучше б ты умер для них...” К нашему времени уже выросли их дети, внуки, даже правнуки, но Степанида всё-таки ошибалась, полагая, что все они будут стыдиться своих предков-полицаев. Белорусский историк Александр Коваленя пришёл к выводу, что “сегодня к распространению лживой информации активно подключились потомки тех, кто в годы войны сражался на стороне нацистской Германии”.

А ещё подобные действия вписываются в антисоветизм, ставший модным на постсоветском пространстве, и вспыхнули им многие даже из тех, кто при социализме отнюдь не бедствовал. Белорусских антисоветчиков весьма точно описал в своём блоге известный в республике литератор Адам Глобус, которого, кстати, тоже трудно назвать русофилом. В его характеристике не упоминается партизанское движение, однако она заслуживает того, чтобы привести её полностью, ибо проливает свет и на эту тему: “АНТИСОВЕТСКИЙ БЕЛОРУС. Вокруг него полно совков. Ты можешь их и не заметить, а он видит их везде. Они для него враги, с которыми надо бороться, драться до смерти, воевать до полной и окончательной победы. Антисоветский белорус агрессивен. Он – боец. Современная Беларусь для него – совковая, советская, мерзостная. Свои заработки антисоветский белорус считает в долларах и евро, а не в белорусских рублях. Эти рубли для него “зайцы”, “белки”, “тысячи”. (Помните, на белорусских купюрах, имевших хождение в республике в середине 90-х годов, были изображены различные представители местной фауны, и даже тогдашний белорусский премьер В. Ф. Кебич называл их “зверинцем”. – **Прим. авт.**) Белорусский паспорт он не любит, ибо на нём маловыразительный герб, похожий, как он говорит, на коровяк, который на деревенской дороге оставляет корова. Государственный флаг он воспринимает как пейзаж с пожаром на болоте. “Болото” – его любимое слово, которое зачастую применяется ко всему современному белорусскому. Университет – болото. Академия – болото. Правительство – болото, как и парламент, как и все движения и партии. Антисоветский белорус – одиночка. Он, чаще всего, происходит из коммунистических и комсомольских кругов. Своих бывших товарищей и друзей он называет “коммуняками”, “коммунистами”, “коммунобольшевиками”. “Коммуняка только и смутряет, чтобы что-нибудь скоммуниздить (читай – украсть)!” – как мантру повторяет и повторяет антисоветский белорус. Он любит демонстрировать свою веру в Бога. Большинство антисоветских белорусов – католики и греко-католики. Православных среди них мало, поскольку антирусскость в антисоветском белорусе занимает важную и определяющую часть. Так же, как и в Бога, антисоветский белорус верит во всемогущество КГБ. Он верит, что “гебисты” всё обо всех знают. Он верит, что они и подобные им виноваты во всех несчастиях и бедствиях белорусов. Если бы не “гебьё”, наша бы сторонка зацвела бы всеми красками, что есть на белом свете. Поддержки антисоветский белорус ищет в США, Чехии, Швеции. Он полагает, что возьмёт в какой-либо Германии деньги, создаст боевые отряды и совершит революцию, как когда-то совершил Ленин. Антисоветского белоруса не смущает тот факт, что Ленин, как и Колас и Купала (классики белорусской литературы. – **Прим. авт.**), был советским”.

В этой характеристике Адам Глобус назвал то, что предпочитает не выпячивать большинство активистов подчёркнуто национального фланга – их антирусскость. А она на этом фланге играет роль определяющую, её знаменем стала всячески раздуваемая ностальгия по “Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой обоих народов”, в которую то княжество входило. Московия для них или враг, уничтоживший “процветающую Речь Посполитую”, или дикарь, которому образованные подданные ВКЛ и Речи Посполитой старались придать цивилизованный облик. Даже на довольно высоком официальном уровне иногда звучат утверждения, что если бы не Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович, ныне известный как Симеон Полоцкий – поэт, драматург, переводчик, астролог при дворе царя Алексея Михайловича, то Александра Пушкина Россия не имела бы. Приходилось читать, что русские и жён своих держали бы взаперти, не знали бы иностранных языков, кабы сей монах не создал в Москве Славяно-греко-латинскую академию. Спрашивается, а почему он не затеял ту академию в Полоцке, почему в родном ему городе не стал готовить “пушкинородящую” почву, а остался в Москве, приехав туда за вещами умершего полоцкого архимандрита Игнатия?.. Ужель сребролюбие стало причиной? Как писал академик Александр Панченко, в Москве “у нище-

го белоруса завелись слуги, собственный выезд... столько всякого добра, что Симеону отвели погреб в стене Китай-города. И денег у него было в достатке, несколько мешков в монастырском подвале, он их и не трогал, так что мешки погнили". Однако надо сказать, что отработывал он их старательно. К свидетельству ученика Симеона Сильвестра Медведева о том, что почерк у него "зело бе мелок и ум писист", можно смело добавить, что с Симеоном вряд ли кто-нибудь мог сравниться в "высокой словесности", адресованной государю. В стихотворении "От избытка сердца уста глаголят", написанном в честь рождения царевича Фёдора, рифмованные строки он выстроил в виде сердца. А чего стоят "Метры на пришествие во град отчистый Полоцк Пресветлого Благодетельного и Христоролюбивого Государя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы... в лето от создания мира 7164, а от воплощения Божьего Слова 1656 месяца июля, 5 дня:

*Радуйтесь, граждане, сынове востока,
Се даде вам Бог царя в вере без порока...
Жий, другий Константине, второй Владимиру,
Разширь православную во всех краях веру.*

Но были слова и посильнее. В своей "Истории Петра" А. С. Пушкин засвидетельствовал: именно Симеон Полоцкий предсказал, что "по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно видел и как бы в книге читал, что зачатый в утробе царицы Наталии Кирилловны сын его (царя) назовётся Петром и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может".

Однако всё меркнет в сравнении с тем, о чём недавно заявила одна из молодых представительниц белорусской литературы. Оказывается, и нынешний русский язык "Московия заимствовала... вместе с угнанными из Полоцка и других городов многочисленными мастерами и ремесленниками, вместе с трудолюбивыми и образованными крестьянами". Только после этого "завоеватели, говорившие на татарских, угро-финских и ещё бог знает каких наречиях, со временем полностью освоили язык и стали называть его своим, русским"! Большинство читающих, разумеется, воспринимает подобные "откровения" с юмором, особенно после того, как их "просветили", что "достижения" украинцев ещё больше: они построили в Египте пирамиды, создали санскрит, дали миру Гомера, которого на самом деле звали батькой Кимером, а также Александра Македонского, Зевса, Будду... Тем не менее, подобные голоса, случается, звучат и в белорусских СМИ.

На прилавках книжных магазинов, притом на самых видных местах, полно книг, рассказывающих о том, что вся белорусская история — это войны с Россией, а в тех книгах — сожаление о том, что Ольгерд не смог отобрать Кремль у Дмитрия Донского, и радость, что Константин Острожский пятьсот лет назад во главе польско-литовских войск разбил русскую армию у Орши. Героями борьбы за белорусскую независимость называются все, кто противостоял русским, — от руководителей польских восстаний Тадеуша Костюшко и Константина Калиновского до атамана Булак-Балаховича, воевавшего сначала за красных, потом за белых, затем за поляков, которого и маршал Пилсудский называл бандитом. Даже те аналитики, которые вслед за американским учёным Тимоти Снайдером вынуждены признавать, что белорусская нация и государство родились именно в контексте Российской империи и СССР, к нынешней России поворачиваются спиной, болея той же ностальгией по "Великому княжеству" и утерянному шляхетству.

Разумеется, это тема для отдельного разговора, но обойти её нельзя, ибо такие стенания во многом объясняют взгляд и на партизанское движение в ходе Великой Отечественной войны. А взгляд этот — откровенно высокомерный — одновременно и антирусский, и антибелорусский. Не секрет, что многовековая уния Великого княжества Литовского с королевством Польским, начатая в конце четырнадцатого столетия, одной из главных целей имела ополчение русского боярства и всего населения, оказавшегося в пределах ВКЛ и Речи Посполитой, их отказ от языка, православной веры и своей культуры. И многие пошли на это. В таком случае резонно сказать, что если в народе живы были гены Ивана Сусанина и тех, кто запер наполеоновских сол-

дат в Витебске, то никуда они не делись и у потомков бояр, перекарасившихся в шляхтичей и живших, как подчёркивает гродненский историк Валерий Черепица, “не ради Иисуса, а ради хлеба куса”. А прозелиты, как известно, больше всего ненавидят как раз то, от чего отвернулись. Адам Глобус не случайно упомянул, что среди антисоветских белорусов преобладают католики и греко-католики, то есть униаты. Антисоветскость у них вытекает из антирусскости, и всё, к чему имела хоть какое-то касательство Москва, трактуется как нечто неприемлемое. Относится это и к партизанскому движению.

В нынешней Белоруссии нередко звучат высокомерные утверждения, что поскольку шляхта не принимала участия в формировании белорусского этноса, то он вырос из крестьянства и потому не способен на самостоятельные действия. Мол, “процессы этнической консолидации белорусов происходили на социальном дне (деревня, плебейская часть местечек и городов), где по определению не было места хоть каким-нибудь элитам, а значит, и высокой, благородной, аристократичной духом Беларуси”, той Беларуси, в которой “не было и не могло быть места Мицкевичу”. Речь идёт об Адаме Мицкевиче, который “всю жизнь только и делал, что переводил Беларусь на польский язык”. На такой почве философ, называющий себя фаталистом, когда заговаривает о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны, тоже заявляет, что сама “идея борьбы с немецко-фашистскими захватчиками вообще не белорусского происхождения, ибо в проекции на белорусов она не имеет исторически подтвержденного генезиса”. В книге “Код отсутствия” он утверждает, что белорусский народ на такое попросту не способен, поскольку, мол, последние поползновения к сопротивлению на его землях были связаны с “остатками традиции шляхетских вольностей” и стали не по силам “уже полностью **плебейской** белорусской нации”. Более того, пишет сей высокородный автор, “массовый героизм народа — оксюморон (форма, не соответствующая содержанию, например, горячий лёд. — **Прим. авт.**). Если бы это явление существовало взаправду, а не было только риторической фигурой идеологической начинки, так народы уже давно дотла повыбивали один другого”.

Но разве не исчезли десятки и сотни народов с лица земли именно потому, что более сильный не желал присутствия рядом с собой слабого, а у того не хватило сил или воли к сопротивлению? Сколько таких “подвигов” числится за Чингисханом, Карлом Великим, рыцарями с изображением креста на белом плаще? Куда подевались прусы-славяне, полабцы, бодричи, лютичи, брежане, поморяне, явтяги, печенеги, половцы?.. Так ли уж случайно многие историки называют Европу кладбищем народов?

Не менее странно и его заявление о том, что “массовый героизм — куда более опасное явление, чем отсутствие героизма вообще”, потому “каждое проявление массового героизма должно рассматриваться как симптом смертельной болезни, за которым — потеря народом важнейшего из инстинктов — инстинкта самосохранения”. Однако при таком понимании самосохранения отец может не спасать своих детей в случае беды, пояснив, что для него дороже его собственная жизнь и безопасность. Настаивая на том, что белорусы веками привыкли “жить под кем-то”, что идею сопротивления гитлеровцам нашему народу навязали “чёртовы москали”, сами, дескать, не приученные терпеть никаких оккупантов, что инспирированная Москвой “партизанка” подтолкнула “самых белорусов к несвойственной им, ненужной и, в конце концов, пагубной борьбе с оккупацией”, такие авторы оставляют в стороне и то, что в соответствии с гитлеровскими предначертаниями — план “Ост” — **белорусам вообще не было предусмотрено никакого места на земле. Три четверти их должно было исчезнуть физически, четверть предполагалось онемечить, то есть уничтожить духовно.** На всё отводилось только тридцать лет, и теперь могло уже не быть и тех, кто пишет оскорбления по адресу партизан.

Но главное — неослужетство пытается внушать белорусам, что их участь — оставаться лакеями, потому что среди них не может быть героев. И главным пространством идеологической борьбы стала история. Белорусам усиленно пытаются написать новую, отличающуюся от той, в которой они совершали геройские поступки как в боях, так и в мирном строительстве. Партизанское движение — одна из делянок такой борьбы. Тех, кто жаждет переделать прошлое, не так уж и много, они сами вынуждены признать, что “страна Беларусь уже полностью живёт без нас — национально ангажированных”, но они очень настырны. Спорить с ними бесполезно, они признают два вида мнений:

своё – правильное и остальные – ошибочные. Но война главные акценты расставила: партизан – это народный мститель, упорно боровшийся против иноземного порабощения, в первую очередь, плечом к плечу с русскими. Как сказал в телефильме “Биохимия предательства” Александр Шолохов – нынешний руководитель музея-заповедника М. А. Шолохова в донской станице Вёшенская: по главному счёту это была война между русскими и немцами. Не все знали и уточняли, что вместе с немцами пришли на нашу землю и венгры, и румыны, и словаки, и французы, и датчане, и голландцы, и хорваты, и итальянцы, и испанцы – для народа каждый из них был тоже немцем. А потом каждый, кто шёл к ним в услужение по идеологическим соображениям или же надевал чужой мундир ради спасения собственной шкуры, тоже становился немцем. Точнее, гитлеровцем, что ещё позорнее, ведь сами немцы их своими не считали, поручая им наиболее грязную работу.

А НАШИ, которых ждали, были, прежде всего, русскими. И никого это не оскорбляло. Маршал Баграмян вряд ли собирался обидеть соотечественников или представителей других народов, когда требовал, чтобы в прибывающем на фронт пополнении русские составляли не менее половины. И не случайно после Победы на всех территориях огромной страны дети несколько десятилетий затевали военные игры именно в “русских и немцев” – устами ребёнка глаголет истина!

Страшным было напряжение в той войне? Ужасными были потери? Достойным ответом на сентенции “о пагубной борьбе с оккупантом”, провоцирующей “неплановую” жестокость немцев”, является суждение польского историка Збигнева Залусского, который, говоря о варшавских повстанцах, подчеркнул, что **борьба с врагом в безвыходной ситуации – плохой выход, но любой иной был бы ещё хуже.** С этим, добавил он, согласилось большинство польского народа, однозначно одоблив тех, кто не отринул крови, проявив готовность ради Отчизны “выцедить её и из груди и из песни” – именно так сказал о повстанцах и его единомышленник, выдающийся польский поэт Владислав Броневский. А полицией в народном сознании остаётся бобиком (пёсиком), спасавшим свою шкуру. И такое определение полностью соответствует мировой традиции: в древней Греции людей, потерявших честь, называли псоподобными. Вспомните “Илиаду” Гомера. Кому-то не нравится? Так ведь – кто за что боролся!